ГОВОРЯ ОБ ОРКЕСТРЕ, НЕ ЗАБУДЬТЕ О МУЗЫКЕ

Музыка. — 1994. — 14 мая. — С. 9.

Написать рецензию на концерт симфонического оркестра «Молодая Россия» под управлением его главного дирижера Марка Горенштейна, меня заставила... досада. Надеюсь, что читатель поймет меня правильно, ведь чувство это не совсем музыкальное. А возникло оно вот почему.

Когда создается новый творческий организм (и симфонический оркестр отнюдь не исключение), читающая публика получает теперь об этом событии довольно специфическую информацию. Где проходила презентация, подавали ли фрукты и мороженое, в каком смокинге был главный спонсор — от Кардена или Юдашкина, в каком по счету браке состоит инспектор оркестра, сколько стоило обращение к «Флоре-дизайн» (впереди, очевидно, обращение к «дизайн-фауне») — эти и другие «милые» подробности затмевают суть самого явления. Понять же, с чем пришли в огромный мир искусства артисты, музыканты, особенно новой генерации, практически невозможно.

Для «Молодой России» период презентаций позади. Наступили рабочие будни, и захотелось побывать на обычном концерте, чтобы составить наконец представление о возмо-

жностях оркестра, что я и сделал. Выступал коллектив в Большом зале консерватории, в программе были произведения Сергея Рахманинова.

Второй фортепианный концерт — солировал Станислав Иголинский — не стал, как говорят французы, просто «вещью для поднятия занавеса», но явил живое, гибкое, эмоциональное содружество пианиста и оркестра. Лишь экспозиция первой части показалась несколько статичной — очевидно, «стартовое» волнение дало себя знать. А в остальном — хрестоматийное и столь любимое публикой сочинение было сыграно с особой рахманиновской широтой дыхания, и оркестр заработал свои отличные баллы в деликатной и тонкой сфере аккомпанемента.

Затем была исполнена Вторая симфония, поистине гениальное сочинение великого мастера. Не умаляя достоинств всех групп оркестра и отдельных солистов (например, свободно и ярко сыгранные соло кларнета и английского рожка), все же особо подчеркну объемное и насыщенное звучание струнных инструментов. Марк Горенштейн стремится объединить все части масштабного цикла прежде всего ощущением огромного душевного

подъема. Во вступительном чуть сумрачном Largo, в кульминациях первой части, в динамике второй, в заключительном Allegro vivace и особенно в Adagio (давно не слышал такого трепетного исполнения этой музыки «без конца и без края», одной из вершин рахманиновской лирики) оркестр предстал как гибкий и послушный инструмент в руках дирижера-художника, рисующего на ваших глазах неповторимый звуковой пейзаж.

Выразительные подъемы и спады, «переклички» голосов и тембров, мощь оркестрового тутти, подчеркивающего достаточно жесткую ритмическую конструкцию целого, — Марк Горенштейн смог не просто предложить свой собственный, оригинальный замысел молодым коллегам, но и добиться отменного художественного результата. Оркестр, умеющий сыграть, а дирижер — так прочесть рахманиновскую партитуру, рассказали о себе и своих творческих перспективах значительно больше, чем все сведения рекламного буклета вместе взятые, написанные как по-русски, так и по-английски.

Евгений БАРАНКИН.